

13. Чуглов, В.И. О равноправии и неравноправии однородных членов / В.И. Чуглов // Русский язык в школе. – 2002. – № 2. – С. 75–78.

14. Чуглов, В.И. Осложненные предложения в современном русском языке / В.И. Чуглов. – Вологда, 2011. – 238 с.

Рецензент – Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

V.I. Chuglov

**SENTENCE CONSTRUCTIONS WITH HOMOGENEOUS PARTS OF THE SENTENCE
IN THE CONTEXT OF OTHER CONSTRUCTIONS COMPLICATING A SIMPLE SENTENCE
IN STRUCTURAL AND SEMANTIC ASPECTS**

The article reviews the study of well-known formations which are complicated in their structure by syntactic constructions and reveal the additional complication of the latter constructions by homogeneous parts of the sentence. The author describes the type of predicativity of expanding syntactic constructions with homogeneous parts of the sentence in their structure as a three-member (binary) system, or conjunctive incomplete predicativity.

Homogeneous parts of the sentence, explanatory and identification constructions, syntactic constructions, conjunctive incomplete predicativity, structural and semantic complication of a sentence.

УДК 811.161.1

Л.Г. Яцкевич
Вологодский государственный университет

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ
КАК ИСТОЧНИК СИТУАТИВНОЙ МЕТОНИМИИ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
КОГЕРЕНТНОСТИ ДИАЛЕКТНЫХ ЛЕКСЕМ**

Рассматриваются типологические особенности семантической структуры диалектных слов на материале Словаря вологодских говоров. Определяются исторические и функциональные причины их семантического синкретизма, который обуславливает широкое распространение в говорах ситуативной метонимии и словообразовательной когерентности. Прослеживается роль тематизма (термин М.М. Бахтина) в содержании семантически синкретичных лексем при их метонимическом употреблении. Отмечается роль внутренней формы производных слов при развитии словообразовательной когерентности в лексической системе говоров.

Семантический синкретизм, диалектные слова, ситуативная метонимия, тематизм, когерентные производные лексемы.

Семантическая структура диалектных слов имеет ряд типологических черт, обусловленных исторически и функционально. Основная их особенность – это семантический синкретизм. Вслед за А.А. Веселовским [2] историки славянской культуры и языка определяют синкретизм как «выражение свойственного архаическому сознанию целостного взгляда на мир, еще не осложненного отвлеченным, дифференцирующим и рефлексивным мышлением. В таком сознании сами идеи тождества и различия еще не оформились в своей раздельности, а потому не накладываются на воспринимаемые явления» [1, с. 20]. Нерасчлененность и неопределенность значений древних корней отмечают этимологи [22]. Неразрывную связь языкового синкретизма и особенностей архаичного мировосприятия подчеркивают О.А. Черепанова, М.В. Пименова [20; 23].

Вместе с тем, О.Н. Трубачев обращал особое внимание на то, что «явление семантического синкретизма должно изучаться не как нечто раз и навсегда преодоленное языком и предполагаемое по большей части для праязыковых эпох, да и то на уровне гипотезы, а как характерная особенность словаря» [22, с. 54]. Явление семантического синкретизма сохранилось до наших дней в устной диалектной речи [17; 2, с. 19].

В исследованиях М.В. Пименовой ставится актуальный вопрос о том, как соотносятся между собой семантический синкретизм и лексическая полисемия. Автор считает, что их следует разграничивать и не смешивать [20]. В данной статье к решению этого вопроса мы подходим несколько иначе, а именно учитываем тот факт, что семантический синкретизм и

полисемия слова находятся на различных эволюционных и семиотических уровнях. Различие их эволюционных уровней заключается в том, что семантический синкретизм, как известно, явление более древнее, а полисемия – более позднее. Находясь на генетическом уровне семиотической структуры слова, он становится источником таких семантических явлений, которые нельзя отнести к полисемии слова. Отсюда возникают часто трудности при лексикографическом описании содержания диалектных слов.

В данной статье на материале Словаря вологодских говоров [СВГ] рассматриваются два вида проявления семантического синкретизма диалектных слов, а именно **ситуативная метонимия** и **словообразовательная когерентность**.

1. СИТУАТИВНАЯ МЕТОНИМИЯ

Источником метонимической неоднозначности диалектного слова в различных ситуациях употребления является такая его семиотическая особенность, как семантический синкретизм. М.М. Бахтин, рассматривая его, предлагает различать в содержании слова «тему» и «значение». Тема определяется содержанием высказывания и речевой ситуацией, а значение – это воспроизводимые в различных высказываниях элементы содержания слова [13, с. 111]. Автор считал, что специфика слова с синкретичной семантикой заключается в том, что оно «в сущности, почти не имеет значения, оно все – тема», то есть его содержание нельзя отделить от конкретной ситуации общения. «Здесь тема, таким образом, поглощает, растворяет в себе значение, не давая ему стабилизироваться и хоть сколько-нибудь отвердеть» [13, с. 112]. Автор отмечает далее, что на более поздних этапах развития происходит стабилизация значений слова. Процессы, описанные М.М. Бахтиным, можно наблюдать в диалектной речи, причем степень стабилизации значений таких слов нередко трудно определить, что приводит к противоречивым их характеристикам в словарях. Обычно у таких слов с синкретичной семантикой развиваются метонимические значения. Данный тип значений появился гораздо раньше метафорических, которые предполагают осознание идеи тождества и сравнения и поэтому связаны с более поздней эпохой образного мышления [1, с. 167].

Явление метонимической многозначности диалектных слов привлекало внимание ряда исследователей, однако трактовки этого явления значительно расходятся между собой, что нашло отражение и в терминологических различиях. Так, лингвисты Казанской школы определяют его как лексико-семантический способ словообразования, результатом которого являются омонимы [12; 14; 15; 6]. Метонимическая многозначность характеризуется так же, как семантическая подвижность [16] или модуляция слова [11]. В данной статье при описании диалектного материала дифференцированно используются оба подхода. Если есть объективные показатели первичности и вторичности значений слова, при характеристике метонимии применяется деривационный подход, а если такие показатели отсутствуют, то используется второй подход, при котором метонимия рассматривается как проявление семантической модуляции лексемы.

Сохранение семантического синкретизма слова в устной речи обусловлено не только социальными и культурными факторами, но и собственно лингвистическими причинами. Во-первых, оно непосредственно связано с речевой ситуацией; во-вторых, это слово не подвергается кодификации и связано только с узусом его употребления. Все это способствует развитию метонимической многозначности диалектного слова.

Исследователи отмечают наличие регулярных метонимических моделей, которые имеют свою специфику у слов разных частей речи [18; 6]. Это можно объяснить тем, что категориальная семантика разных частей речи характеризуется различными способами включения в содержание ситуации, обозначенной в высказывании. Следует отметить, что до сих пор семантический потенциал метонимии не описан в полном объеме, хотя этой теме посвящено достаточно много работ [3; 7; 18; 19 и др.]. В частности, представляется важным выявление специфики метонимических моделей в различных сферах функционирования языка. В силу этого их описание в диалектной лексической системе является актуальным.

В данной статье определяются основные типы метонимической многозначности диалектных слов в вологодских говорах. Подчеркнем, что при описании семантических моделей в ряде случаев мы отказались от деривационного подхода, так как в современной лексической системе говора далеко не всегда направление развития значений диалектного слова явно выражено, и поэтому его не всегда можно установить. Если учитывать семантический синкретизм устного слова, то в ряде случаев деривационных отношений между значениями вообще не существовало, они являются между собой когерентными, имея общий источник – содержание обозначенной ситуации. Например, в вологодских говорах глагол *дойть* имеет четыре конверсивных значения, обусловленных метонимическими отношениями: общерусское ‘перех. выцеживать молоко из вымени коровы’ *Дойть корову порá*; диалектные значения: ‘неперех. давать молоко (о корове, козе и т.п.)’ *Корова-то по два дойника дойт* (Баб. Пожар.); ‘перех. сосать, выцеживая молоко’ *Рáньше-то она́ у меня́ грудь дойла, а потóм я на рабóту пошла́* (Тот. У-Печ.) [СВГ, 2, с. 35]; ‘перех. вскармливать своим молоком’ *Муська, пей молоко́, ведь ты́ доишь своего́ котёнка. Хорошó ешиó оди́н он, а не три́* (Сямж. Монаст.) [КСРГ]. Как свидетельствуют данные «Этимологического словаря славянских языков», этот древний глагол изначально был семантически синкретичным, и все значения, сохранившиеся в вологодских говорах, были ситуативно обусловленными конверсивами [ЭССЯ, 5, с. 53–54]. В отличие от говоров в современном русском литературном языке это слово кодифицировано только в одном значении – ‘перех. выцеживать молоко из вымени коровы’.

При описании типов метонимически многозначных слов следует учитывать, что метонимический потенциал слова и его характер зависит от ряда факторов: от частеречной принадлежности слова, его словообразовательной производности или непроизводности, а также от его номинативного класса. Далее рассмотрим типы метонимического переноса, наибо-

лее характерные для слов различных частей речи в вологодских говорах.

1.1. Типы метонимической многозначности имен существительных

Типология метонимии имен существительных описывается последовательно внутри номинативных классов данной части речи, поскольку виды метонимической модуляции зависят не только от категориального, но и от субкатегориального значения слов.

1.1.1. Существительные с пространственной семантикой наиболее подвержены метонимическим модуляциям. Обычно они протекают в границах пространственных значений и сопровождаются конкретизацией, сужением или расширением лексических значений. Так, широкий метонимический потенциал в говорах имеет слово *ляга*: ‘лужа’, ‘рытвина, выбоина на дороге, наполненная водой’, ‘низкое сырое место; широкая впадина с отлогими краями, обычно заполненная водой’, ‘небольшое болото’, ‘топкое место на болоте, трясина’, ‘пруд’ [СВГ, 4, с. 61]. Метонимически видоизменяются и значения древнего слова *волок*: ‘лесная гужевая дорога’, ‘дорога вообще’, ‘расстояние между двумя населенными пунктами, отрезок пути’ [СВГ, 1, с. 83–84].

Метонимическое варьирование значений существительного – названия определенного топоса может быть вызвано обозначением разных хронотопов, соотносительных с этим топосом. Так, в Никольском районе слово *дерба*, а в Бабушкинском районе слово *дерюга* употребляются в следующих значениях: ‘пашня на расчищенном среди леса месте’, ‘сенокосное угодье на месте вырубленного леса’, ‘зброшенное лесное сенокосное или пахотное угодье’ [СВГ, 2, с. 18]. Слово *паль* в вологодских говорах имеет похожий тип многозначности [СВГ, 7, с. 4]. Т.Е. Никулина обратила внимание на данный тип диалектных слов в своей статье «Подвижность семантики лексемы *гарь* в русских народных говорах (по материалам Картотеки ЛАРНГ)» [16].

У пространственной лексики отмечен и такой метонимический переход: ‘пространство’ – ‘событие, связанное с ним’: *сивер* ‘север’, ‘холодный северный ветер’, ‘холодная погода с северным ветром’ [СВГ, 10, с. 4].

1.1.2. Существительные – соматизмы обладают метонимически подвижной семантикой и могут обозначать смежные, близкие по расположению части тела: *лодыга* ‘щиколотка’, ‘кость (любая)’, *лытка* ‘нога’, ‘голень ноги’ [СВГ, 4, с. 43, 58]. В Кичменгско-Городецком, Сямженском и Харовском районах слово *хяря* имеет диалектное значение ‘шея и верхняя часть груди’, а в Вологодском районе употребляется в значении ‘лицо’, известном просторечно, но без грубой окраски. Есть и соответствующий этому значению фразеологизм *Хяря берестяная* ‘о бессовестном человеке’ *Хяря твоя берестяная! Ничего ты не стыдишься!* (Влгд.) [СВГ, 11, с. 180]. Слово *рыло* в вологодских говорах также не имеет грубой окраски, подвергается различным метонимическим преобразованиям и обозначает: ‘лицо’, ‘нижняя часть лица’, ‘подбородок’, ‘губы’ [СВГ, 9, с. 76].

1.1.3. Существительные, обозначающие постройку, в говорах обычно подвергаются метонимической

модуляции [4]. В вологодских говорах этот тип многозначности также часто наблюдаем, например: *поветь*: ‘верхнее помещение над двором, используемое для сена, соломы, хозяйственного инвентаря’, ‘сарай, пристроенный к дому, где хранят сено и хозяйственные предметы’, ‘сени в избе’, ‘полати’ [СВГ, 7, с. 79]; *стайка*: ‘хлев’, ‘крытое строение для содержания домашнего скота в теплое время’, ‘отгороженное место в хлеву для коровы, овцы или других домашних животных, стойло’, ‘помещение для цыплят, клетка’, ‘помещение перед входом в хлев’, ‘отгороженное место для скота, загон’ [СВГ, 11, с. 116–117]. Семантический синкретизм особенно характерен для слова *изба*, которое употребляется в семи метонимических значениях: ‘большая, светлая, лучшая комната в крестьянском доме’, ‘отапливаемая часть крестьянского дома, где находятся жилые комнаты’, ‘часть крестьянского дома, где живут летом’, ‘кухня’, ‘первая от входа комната в крестьянском доме’, ‘отдельное помещение для жилья в крестьянском доме, комната’, ‘пристройка к крестьянскому дому’ [СВГ, 3, с. 5].

1.1.4. Существительные, обозначающие предметы одежды, также имеют синкретичную многозначность метонимического типа: *сибирка*: ‘зимняя женская и мужская верхняя одежда из овчины, покрытой сукном, приталенная и расширенная книзу’, ‘короткая женская шуба, расширяющаяся книзу’, ‘зимнее приталенное пальто из сукна, которое носили по праздникам’, ‘пальто’, ‘шинель’ [СВГ, 10, с. 3]; *скрута*: ‘свадебный наряд невесты’, ‘одежда девушки, приготовленная в качестве приданого’, ‘верхняя одежда девушки или молодой женщины’, ‘предметы быта, приготовленные невесте в качестве приданого’, ‘одежда’, ‘праздничная женская одежда’, ‘белье’ [СВГ, 10, с. 34]; *гарусник*: ‘сарафан из гаруса’, ‘род сарафана на лямках’, ‘зимний сарафан из толстой ткани’ [СВГ, 1, с. 119–120].

1.1.5. Существительные, обозначающие сосуды, развивают различные виды метонимической многозначности. В одних случаях это метонимическая модуляция значений, когда одна лексема обозначает различные виды емкостей: *ставец*: ‘предмет хозяйственной утвари с плоским округлым дном и вертикальными стенками из глины или дерева для еды, питья, хранения припасов и т.д.; посуда, которая может быть разного размера и глубины, может иметь цилиндрическую форму или расширяться кверху’, ‘широкий и круглый деревянный сосуд цилиндрической формы, в который собирали землянику, на боках его могли быть небольшие вырезы’, ‘тарелка’, ‘чашка, стакан’, ‘ковш’, ‘глиняный сосуд, горшок, кринка для молока’, *судно*: ‘отдельный предмет посуды’, ‘деревянное корыто для кормления домашнего скота’, ‘деревянная бочка вместительностью до 50 ведер для варки пива’, ‘деревянная бочка на ножках с отверстием для слива, в которой «бучили» белье’ [СВГ, 10, с. 114–115]. В других случаях одна лексема обозначает и один предмет посуды, и собирательное множество этих предметов: *суда*: ‘собр. хозяйственная утварь для еды, питья, хранения припасов’, ‘отдельный предмет посуды’ [СВГ, 11, с. 152]. Наконец, в третьих, одна лексема обозначает то сосуд, то его содержимое: *ставец*: ‘глиняный сосуд, горшок, кринка

для молока', 'масло или сало, получившее форму «ставца» (блюда, миски), в котором оно затвердело при охлаждении' [СВГ, 10, с. 115].

1.1.6. Существительные, обозначающие растения, имеют следующие семантические модели метонимии: растение > место произрастания растения: *мох*: 'споровое растение без корней и цветов' > 'болото'; *мурага*: 'молодая, сочная, зеленая трава' > 'луг' [СВГ, 5, с. 21]; *мянда*: 'сосна' > 'сосновый лес' [СВГ, 5, с. 37].

1.1.7. Существительные, обозначающие вещество, имеют следующие семантические модели употребления:

- вещество > изделие из него: *синельник*: 'домотканый холст синего цвета', 'сарафан из синего холста' [СВГ, 10, с. 9]; *пачеси*: 'отходы льна при его вторичном вычесывании' > 'холст, вытканый из оческов льна после его вторичного вычесывания' [СВГ, 7, с. 40];

- вещество > событие: *волога*: 'влага, вода' > 'нежная, дождливая погода' [СВГ, 1, с. 83].

1.1.8. Названия изделий подвергаются метонимической модуляции: изделие > разновидности этого изделия, предмет, предназначенный для этого изделия: *мучник*: 'печеное изделие из теста', 'хлебное изделие, представляющее собой тонкую пресную лепешку, на которую накладывается дрожжевое тесто из ячменной или гороховой муки', 'печеное изделие из ячменной муки', 'печеное изделие из гороховой муки или с начинкой из гороха', 'лепешка из ржаной муки, смазанная сметаной и посыпанная толочком', 'пирог из ржаной муки с начинкой из творога', 'лепешка из овсяной муки', 'домотканая скатерть, которой накрывают пироги' [СВГ, 5, с. 12].

1.1.9. Метонимической модуляции подвергаются названия предметов обихода: *батог*: 'палка, кол', 'мера измерения земли, земельный надел', 'рукоятка косы' [СВГ, 1, с. 10].

1.1.10. Для названия лиц характерны метонимические переносы по смежной последовательности во времени: *парнёк* 'мальчик (ребенок, подросток)' > 'молодой человек, юноша' [СВГ, 7, с. 9]; *девка* 'дочь, девочка' > 'девушка' > 'обращение к лицам женского пола, в том числе к замужним и пожилым' [СВГ, 2, с. 15]. Метонимической модуляции подвергаются в вологодских говорах некоторые термины родства: *батушко*, *батя*, *матка*, *матушка* и др. Она характерна также для образованных от глаголов одушевленных существительных, у которых наблюдается различная тематическая интерпретация в различных контекстах употребления. Например, *обряжуха*: 'женщина, ведущая домашнее хозяйство', 'повариха, стряпуха', 'женщина, работающая на скотном дворе' [СВГ, 6, с. 9].

1.1.11. Существительные, обозначающие абстрактные понятия, включаются в несколько семантических моделей:

- свойство > предмет, обладающий им: *красота* 'свойство красивого' > 'ленты, цветы из бумаги или ткани, которые невеста дарит подругам', 'украшенная лентами, бусами елочка, которую жених готовил к свадьбе' [СВГ, 3, с. 121];

- предмет, обладающий каким-либо свойством > время, каким-либо образом с ним связанное: *красота*

'украшенная лентами, бусами елочка, которую жених готовил к свадьбе' > 'день перед свадьбой' *А в красоте дёвка ревет* (Ник.) [СВГ, 3, с. 121];

- событие > предметы, связанные с ним: *скрута*: 'договор о сватовстве', 'свадебный наряд невесты' [СВГ, 10, с. 34];

- событие > другие события, смежные с ним во времени: *паужна*: 'прием пищи между обедом и ужином, полдник', 'обед', 'ужин', 'завтрак во время летней страды';

- событие > время события: *паужна*: 'обед' > 'время обеда' [СВГ, 7, с. 17]; эта метонимическая модель рассматривалась на диалектном материале в работе Ю.Ф. Денисенко [5].

1.2. Метонимическая многозначность имен прилагательных

Семантический синкретизм проявляется в различной степени у прилагательных разных лексикограмматических разрядов. Наиболее всего метонимической модуляции подвержены качественные прилагательные, обозначающие различные оценки: *дужий* 'крепкий физически, выносливый', 'высокий, густой, хороший (о травах, посевах зерновых)', 'обладающий положительными качествами, хороший', 'с большими средствами, достатком, зажиточный' [СВГ, 2, с. 69]; *любой*: 'такой, который нравится, приходится по душе', 'любимый, дорогой', 'милый, симпатичный', 'ожидаемый, желанный' [СВГ, 4, с. 60]; *лютый*: 'расторопный, ловкий, бойкий', 'сильный, ловкий (о драке)', 'обильный, богатый' [СВГ, 4, с. 61]; *матёрый*: 'значительный по размерам, очень большой', 'высокий, обладающий большой протяженностью от низу до верху', 'густой, сочный' [СВГ, 4, с. 75].

Метонимическая модуляция свойственна также цветovým прилагательным (*сивый*: 'светловолосый, белокурый', 'рыжеволосый, рыжий' [СВГ, 10, с. 5]) и относительным прилагательным, образованным от существительных (*мусорный*: 'не отобранный, не очищенный от семян других растений (о зерне); засоренный', 'заросший сорняками', 'сорный (о траве)' [СВГ, 5, с. 11]).

Таким образом, во всех рассмотренных примерах значения имен прилагательных в различных контекстах употребления получают тематическую интерпретацию по метонимическому принципу.

1.3. Метонимическая многозначность глаголов

Семантический синкретизм характерен для глаголов физического воздействия и производных от них префиксальных глаголов типа: *волочить*, *ломить*, *ляпать*, *молотить*, *молоть*, *мякать*, *ломить*, *пазгать*, *петать*, *садить*, *хлестать*, *хвостать* и др. [СВГ]. Благодаря этой особенности данные глаголы обладают функцией экспрессивных субститутов и в устной диалектной речи заменяют полнозначные глаголы [29, с. 162–164]. Как уже отмечалось выше, специфика слова с синкретичной семантикой заключается в том, что оно «в сущности, почти не имеет значения, оно все – тема», то есть его содержание не отделимо от конкретной ситуации общения. «Здесь тема, таким образом, поглощает, растворяет в себе значение, не давая ему стабилизироваться и хоть сколько-

нибудь отвердеть» [13, с. 112]. Нередко данные глаголы подвергаются метонимической модуляции, например: **мякнуть** 'ударить, стукнуть', 'натолкнувшись на кого-, что-либо или задев за что-либо, получить удар, ушиб', 'упасть, свалиться' [СВГ, 5, с. 15]; **ботнуть** 'ударить, стукнуть; ушибить', 'упасть, провалиться, бултыхнуться' [СВГ, 1, с. 41]. Как видно из приведенных примеров, метонимия здесь приводит к образованию конверсивных значений у глагола.

Изменения залоговой семантики при метонимии характерны и для других лексических разрядов слов данной части речи, например для стальных глаголов: **парить** 'не нести яиц, проявляя беспокойство, собираясь высидывать цыплят' (*У меня курица парит*) > 'высидывать цыплят' (*Она каждый год парит цыплят*) [СВГ, 7, с. 9]; **печаловать** 'беспокоиться, заботиться о ком-чем-либо' (*Перестань печаловать, пускай сами живут*) > 'жалеть кого-то' (*Я Машку-то печалую: одна она ведь теперь*) [СВГ, 7, с. 54].

Однако переходные глаголы с синкретичной семантикой могут употребляться на основе метонимического принципа и без изменения залоговой семантики. В таких случаях изменяется тематическая интерпретация действия и оно распространяется на другие объекты или приобретает иную целеустановку. Например: **обрать** 'унести, удалить, поместив куда-либо', 'спрятать, скрыть', 'снять с поверхности', 'снять, собрать, убирая', 'сложить, собрать', 'взять в свою собственность, присвоить', 'отобрать, отнять', 'взять на воинскую службу', 'закрывать, ликвидировать', 'убрать, уничтожить', 'убить', 'взыскать, получить плату', 'прибрать, привести в порядок' [СВГ, 6, с. 4].

Семантическим синкретизмом характеризуются также двувидовые глаголы, которые имеют мутационную парадигму вида и способны употребляться в разных контекстах как в значении совершенного, так и в значении несовершенного вида. Ср.: несов. в. **опихать** 'есть с аппетитом, уплетать' (*Видишь, как она опихает, а тот ничего не жвэчит*) [СВГ 1999, с. 60] и сов. в. **опихать** 'съесть с аппетитом' (*Что ни дашь ему – всё опихает, да ещё и попросит добавки!*) [КСДК]; несов. в. **откутать** 'открывать' (*Сейчас говорят, что двэри открыватъ и закрыватъ надо, а раньше откутать и закутать*) и сов. в. **откутать** 'открыть' (*Шкаф откутай скорей!*) [СВГ 1999, с. 92]; сов. в. **разглуздаться** 'проснуться, прийти в себя после сна' (*Робёнок совсём розглуздавсё, дак он бóльше не уснёт*) и несов. в. **разглуздаться** 'просыпаться, приходиться в себя после сна' (*У меня брат целый час утром разглуздается*) [СВГ 2002, с. 12]. Видовая мутация, то есть внутреннее преобразование аспектуальной семантики глаголов, не сопровождается их структурными преобразованиями. Вид у таких синкретичных глаголов определяется по синтагматическим показателям.

Таким образом, при метонимическом употреблении синкретичных глаголов могут изменяться субъектно-объектные и аспектуальные значения глагола.

2. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОГЕРЕНТНОСТЬ

От метонимического варьирования лексем следует отличать словообразование **когерентных лексем**,

то есть производных слов, которые параллельно образуются от одного слова по одной модели, но имеют различную предметно-логическую отнесенность [24]. Первоначально термин «когерентные лексем» мы ввели в научный оборот для описания словообразования производных лексем, которые, имея общую словообразовательную базу и одинаковые словообразовательные средства, получают различные лексические значения в близкородственных языках [24; 25; 26]. Затем это понятие стало применяться при описании словообразовательной структуры исторических корневых гнезд, в которых также достаточно много когерентных лексем [8; 9]. И наконец, появилась необходимость использовать данный термин для квалификации особого типа диалектных лексем [10].

Исторически появление когерентных лексем связано, прежде всего, с тем, что в архаичном слове с синкретичной семантикой большую значимость имеет внутренняя форма слова, которая как бы диктует, направляет, ведет функционирование слова в речи. Эту роль внутренней формы слова при его употреблении в речи впервые исследовал А.А. Потебня [21]. У слов с общей внутренней формой, но разными лексическими значениями большую роль играет тематизм, который определяет дивергентные процессы в их содержании и приводит к образованию когерентных лексем. Так же, как метонимические значения слов, когерентные лексем формируются по определенным семантическим моделям. Если словообразовательные модели образования подобных слов частично описаны в статье И.Е. Колесовой на материале лексики вологодских говоров [10], то семантическая типология когерентных лексем до сих пор не исследована. Можно предположить, что и здесь есть определенные закономерности. Так, по нашим предварительным наблюдениям, выявлено, что общая внутренняя форма когерентных производных лексем получает различную тематическую интерпретацию в различных речевых ситуациях по метонимическому принципу.

Далее приводятся отдельные примеры семантических моделей образования когерентных лексем по метонимическому принципу:

- 'вещество' > 'изделие из вещества', 'вместилище вещества': **мука** > **1 мучник** 'печеное изделие из теста', **2 мучник** 'ларь для хранения муки' [СВГ, 5, с. 12];

'орудие' > 'часть орудия', 'объект действия орудия': **вилы** > **1 навильник** 'черенок, на который насаживаются вилы', **2 навильник** 'охапка сена, соломы или др., поддетая на вилы' [СВГ, 5, с. 27];

- 'хозяйственное строение' > 'хозяйственное строение', 'предмет, предназначенный для использования в этом строении', 'существо, обитающее в этом строении': **овин** > **1 овинник** 'строение для сушки снопов перед молотьюбой, овин' > **2 овинник** 'длинные (до 1 метра) поленья, которыми топили печи в овине', **3 овинник** 'в суев. представл. злой дух, живущий в овине, род домового' [СВГ, 6, с. 27];

- 'растение' > 'место произрастания растения', 'продукт питания из этого растения': **мох** > **1 моховик** 'предмет, поросший мхом', **2 моховик** 'пирог с истолченным белым мхом' [СВГ, 5, с. 8]; **капустяк** > **1 капустник** 'огороженный участок земли, где посажена

капуста', 2 *капустник* 'пирог с капустой' [СВГ, 3, с. 38];

'растение' > 'часть растения', 'продукт питания из этого растения': *картовь* > 1 *картовница* 'ботва, стебли картофеля', 2 *картовница* 'запеканка из толченого картофеля';

- 'пицца' > 'часть другого продукта питания', 'посуда, в которой готовят этот продукт': *мясо* 'туша или часть туши животных, употребляемая в пищу' > 1 *мясник* 'пирог с начинкой из мяса', 2 *мясник* 'посуда, в которой варят мясную пищу' [СВГ, 5, с. 17].

Выводы

В вологодских говорах сохранилось большое количество лексем с архаичным типом семантики. Для таких слов характерен семантический синкретизм, при котором содержание слова формируется темой высказывания, ситуацией речи. Семиотический тематизм слова приводит, во-первых, к развитию разнообразных метонимических моделей употребления слова, и, во-вторых, к образованию когерентных производных лексем.

Актуальной задачей является исследование семантических моделей образования когерентных лексем, поскольку до сих пор они не были предметом специального изучения. Предварительные наблюдения над ними позволяют сделать вывод о том, что в говорах употребление производных слов регулируется их внутренней формой, так же как это было характерно и для архаичных этапов развития языка. Эта семиотическая особенность приводит к образованию когерентных лексем, содержание которых определяется темой высказывания и нередко формируется по метонимическим моделям.

Литература

1. Бройтман, С.Н. Историческая поэтика: учебное пособие / С.Н. Бройтман. – Москва, 2001.
2. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – Ленинград, 1940.
3. Гинзбург, Е.Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия / Е.Л. Гинзбург. – Москва, 1985.
4. Гольдин, В.Е. К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике (на материале названий построек и их частей в русских говорах): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гольдин В.Е. – Саратов, 1967.
5. Денисенко, Ю.Ф. О древности одного семантического переноса в русских говорах (свадьбы, свадебницы как наименования времени) / Ю.Ф. Денисенко // Диалектная лексика 1975. – Ленинград: Наука, 1978. – С. 198–203.
6. Жданова, Е.А. Семантическая деривация в русских говорах Удмуртии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Жданова Е.А. – Казань, 2009.
7. Зализняк, А.А. Многозначность в языке и способы её представления / А.А. Зализняк. – Москва: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
8. Колесова, И.Е. Динамика исторических корневых гнезд: Процессы дивергенции и конвергенции в историческом корневом гнезде с вершиной *lei-* / И.Е. Колесова. – Вологда, 2012.
9. Колесова И.Е. Развитие лексической когерентности в структуре исторических корневых гнезд / И.Е. Колесова, Л.Г. Яцкевич // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – Т. 2. – С. 94–96.
10. Колесова, И.Е. Процессы функционально-семантической дивергенции в вологодских говорах / И.Е. Колесова // Народная речь вологодского края. – Вологда, 2015. – С. 189–201.
11. Лопушанская, С.П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции / С.П. Лопушанская // Русский глагол (в сопоставительном освещении). – Волгоград: ВГУ, 1998.
12. Марков, В.М. О семантическом способе образования слов / В.М. Марков // Русское семантическое словообразование: сборник научных трудов. – Ижевск, 1984. – С. 3–12.
13. Медведев П.Н. [Бахтин М.М.] Формальный метод в литературоведении / П.Н. Медведев. – Москва, 1993.
14. Николаев, Г.А. Несколько замечаний о семантическом словообразовании в русском языке / Г.А. Николаев // Учебные материалы по проблеме синонимии. – Ижевск, 1982. – Ч. 2. – С. 38–39.
15. Николаева, Т.М. Семантико-стилистические преобразования в истории русского литературного языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Николаева Т.М. – Казань, 2002. – 43 с.
16. Никулина, Т.Е. Подвижность семантики лексемы *гарь* в русских народных говорах (по материалам Картотеки ЛАРНГ) / Т.Е. Никулина // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2005. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – С. 109–113.
17. Осовецкий, И.А. Лексика современных русских народных говоров / И.А. Осовецкий. – Москва, 1982.
18. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – Москва, 2004.
19. Петрова, З.Ю. Регулярная метонимическая многозначность / З.Ю. Петрова // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987. – Москва, 1989. – С. 120–133.
20. Пименова, М.В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии / М.В. Пименова // Вопросы языкознания. – 2011. – № 3. – С. 19–48.
21. Потенба, А.А. Мысль и язык (2-е изд. Харьков, 1892) / А.А. Потенба // Слово и миф. – Москва, 1989.
22. Трубачев, О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура: в 4 т. / О.Н. Трубачев. – Москва: Рукописные памятники древней Руси, 2008. – Т. 3.
23. Черепанова, О.А. О соотношении понятий «семантический синкретизм» и «лексико-семантическая группа» в применении к лексической системе древнерусского языка / О.А. Черепанова // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. – Вологда, 2007. – С. 27–36.
24. Яцкевич, Л.Г. О внутренней форме слов в русском и белорусском языках в условиях билингвизма / Л.Г. Яцкевич // Всесоюзная научная конференция по проблемам обучения русскому языку в условиях близкородственного билингвизма. Материалы конференции. – Минск: Издательство БГУ, 1975. – С. 538–541.
25. Яцкевич, Л.Г. О типологии внутренней формы слов в русском и белорусском языках // Белорусская мова і мовазнаўства. – Минск: Выдавецтва БДУ, 1976. – Вып. 3.
26. Яцкевич, Л.Г. Об адным тыпе міждыялектных і міжмоўных амонімаў / Л.Г. Яцкевич // Белорусская лінгвістыка. – Минск: Навука і тэхніка, 1979. – Вып. 26. – С. 8–13.
27. Яцкевич, Л.Г. Русское формообразование. Процессы деграмматикализации и грамматикализации / Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 2010. – 280 с.
28. Яцкевич, Л.Г. Развитие лексической когерентности в структуре исторических корневых гнезд / Л.Г. Яцкевич, И.Е. Колесова // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец, 2012. – Т. 2. – С. 94–96.
29. Яцкевич, Л.Г. Очерки морфологии вологодских говоров / Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 2013. – 244 с.

Словари

КСРГ – Картотека словаря режского говора.

КСДК – Картотека словаря деревни Квасюнино.
СВГ – Словарь вологодских говоров / ред.: Т.Г. Пани-
каровская, Л.Ю. Зорина. – Вологда, 1983–2007. – Вып. 1–12.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков.
Праславянский лексический фонд / под ред. члена-
корреспондента АН СССР О.Н. Трубачёва. – Москва, 1974–
2002. – Вып. 1–29.

Рецензент – Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

L.G. Yatskevich

**SEMANTIC SYNCRETISM AS A SOURCE OF SITUATIONAL METONYMY AND WORD-FORMATION
COHERENCE OF DIALECT LEXEMES**

The article deals with typological features of the semantic structure of dialect words in the *Vologda Dialects Dictionary*. The historical and functional reasons for their semantic syncretism are determined, the latter is a cause of wide-spreading of situational metonymy and word-forming coherence in the dialects. The present research traces the role of thematism (M.M. Bakhtin's term) in the content of semantically syncretic words in their metonymic use. The author also describes the role of the internal form of derivatives in the development of word-forming coherence in the lexical system of dialects.

Semantic syncretism, dialect words, situational metonymy, thematism, coherent derivatives.